

НЕОЖИДАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Это было въ декабре 1898 года. Какъ и всегда, рано утромъ я шель въ университетъ. Погода была ужасная: мокрый снегъ, валившій крупными хлопьями, залеплялъ глаза, уши, пробирался за воротникъ; сильный ветеръ заставлялъ плотнее закутываться въ пальто и придерживать фуражку. Серое небо съ быстро бегущими низко нависшими облаками не обещало ничего хорошаго... Если ко всему этому представить себе, какой слякотью и грязью покрываются въ такіе дни улицы Петербурга, тогда станетъ понятнымъ, какъ себя чувствовали все кому нужно было идти несколько верстъ пешкомъ.

Но вотъ, наконецъ, и дверь нашей лабораторіи...

Университетъ.

Уже второй годъ я работалъ надъ изученіемъ окончаний обонятельнаго нерва у рыбъ. Къ осени этого года мне удалось проследить не только то, что было описано у различныхъ исследователей, но какъ будто бы увидать и нечто новое... Только тотъ, кто когда-либо самъ занимался подобной работой, можетъ понять, какъ захватываетъ она, и какое громадное удовлетвореніе даетъ самое ничтожное «открытіе», т.-е. находка чего-нибудь новаго, чего не заметили другіе. Нечто подобное я и увидель на своихъ препаратахъ... но мне никакъ не удавалось получить настолько ясную картину, чтобы мое «открытіе» ни въ комъ не вызывало сомненій. И вотъ уже месяца два я готовилъ массу препаратовъ, и все безрезультатно.

Въ описываемый мною день я безъ всякой надежды на успехъ взялся за микротомъ. Прежде чемъ приготовить препаратъ въ окончательномъ виде, я взялъ несколько срезовъ и началъ ихъ разсматривать подъ микроскопомъ. Одного взгляда достаточно было, чтобы настроеніе мое резко изменилось. Я нашель то, что искалъ! И стены лабораторіи, за минуту передъ темъ нагонявшая тоску, и окна, залепленные до половины снегомъ, и серое свинцовое небо, все сразу какъ будто переменилось, все казалось такимъ близкимъ, роднымъ и милымъ.

Около часу дня мы въ лабораторіи завтракали и пили чай, который тутъ-же кипятили въ чайнике. Только что мы налили себе чаю и, усевшись за столъ, начали делиться новостями, какъ ко мне пришель знакомый студентъ В. Ф. Д.

— Мне нужно съ вами поговорить. Идемте въ корридоръ.

— Въ чемъ дело? — спросилъ я.

— Вы поехали-бы на Мурманъ?

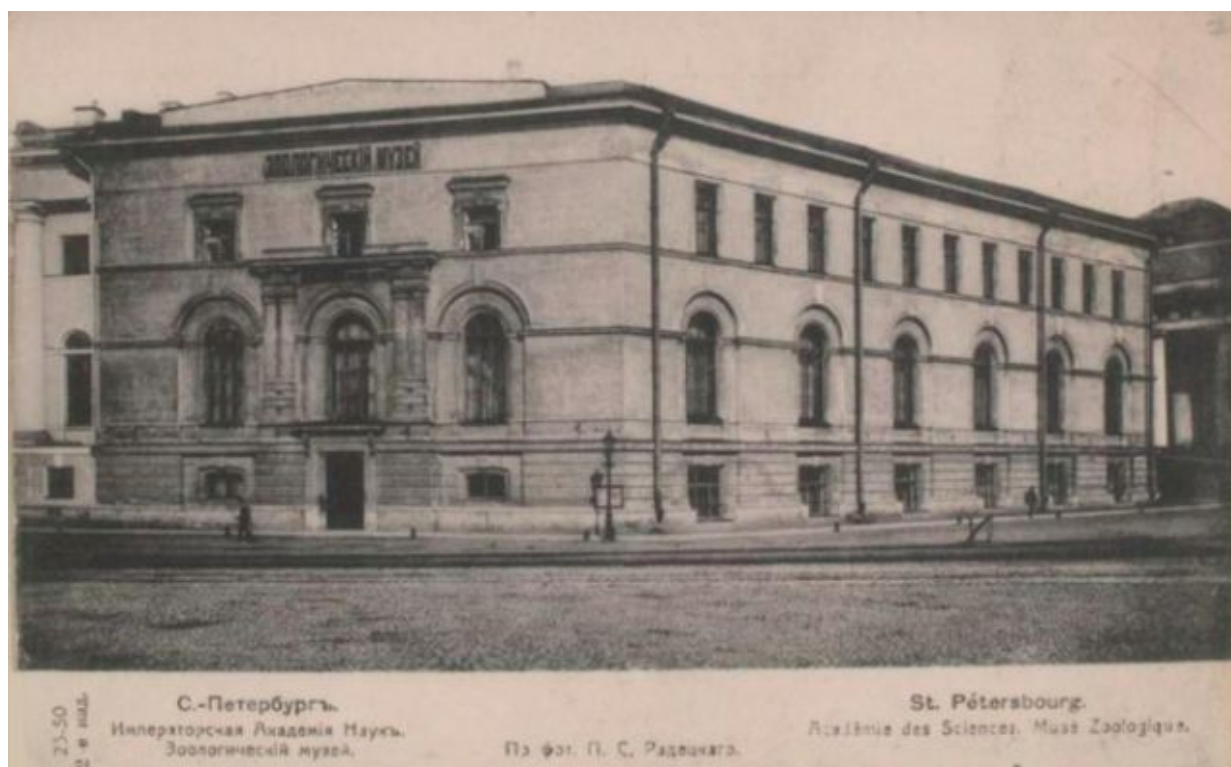
— Расскажите подробнее... Я знаю, что вы прошлое лето провели тамъ, но и только.

— Вы знаете Николая Михайловича Книповича? Онъ является начальникомъ Мурманской научно-промысловой экспедиціи. Летомъ экспедиція уже приступила къ работамъ. Въ этомъ году дело расширяется, нужны новые помощники; если хотите, едемте!

— Ну, конечно, хочу.

Въ такомъ случае къ 3-мъ часамъ пойдите для переговоровъ къ Николаю Михайловичу въ Зоологическій Музей Академіи Наукъ. А пока до свиданія! Я очень тороплюсь, такъ какъ я скоро уезжаю на Мурманъ на оленяхъ черезъ Кольскій полуостровъ; мне нужно собраться и подготовиться къ этому трудному переезду.

Я кое-что слышалъ о Мурманской экспедиціи и зналъ Н.М. Книповича, который читалъ у насъ, какъ приватъ-доцентъ, одинъ изъ частныхъ курсовъ зоологіи, но я никогда и не мечталъ, что мне удастся попасть въ Ледовитый океанъ и принимать участіе въ раскрытіи техъ тайнъ, которыя хранитъ онъ въ своихъ глубинахъ. Я недавно еще прочелъ исторію путешествія Нансена... Конечно, Мурманская экспедиція и экспедиція Нансена не одно и то же, но все равно мне представляется возможность побывать въ полярныхъ странахъ.

Зоологическій музей.

Въ 3 часа я былъ въ Зоологическомъ музее Академіи Наукъ, не въ той его части, которая открыта для публики, а — въ подвалахъ, въ которыхъ устроены кабинеты ученыхъ зоологовъ! Когда я входилъ въ кабинетъ Николая Михайловича, онъ сидель и разбираль раковины моллюсковъ. Усадивъ меня и не прекращая своей работы, онъ началъ знакомить меня съ исторіей экспедиціи.

— Экспедицію снарядилъ «Комитетъ для помощи поморамъ русскаго севера». Сначала комитетъ заботился только о матеріальной поддержке семей поморовъ, погибшихъ въ океане во время шторма, но потомъ деятельность его значительно расширилась: комитетъ организоваль взаимное обязательное страхованіе поморскихъ судовъ, а въ настоящее

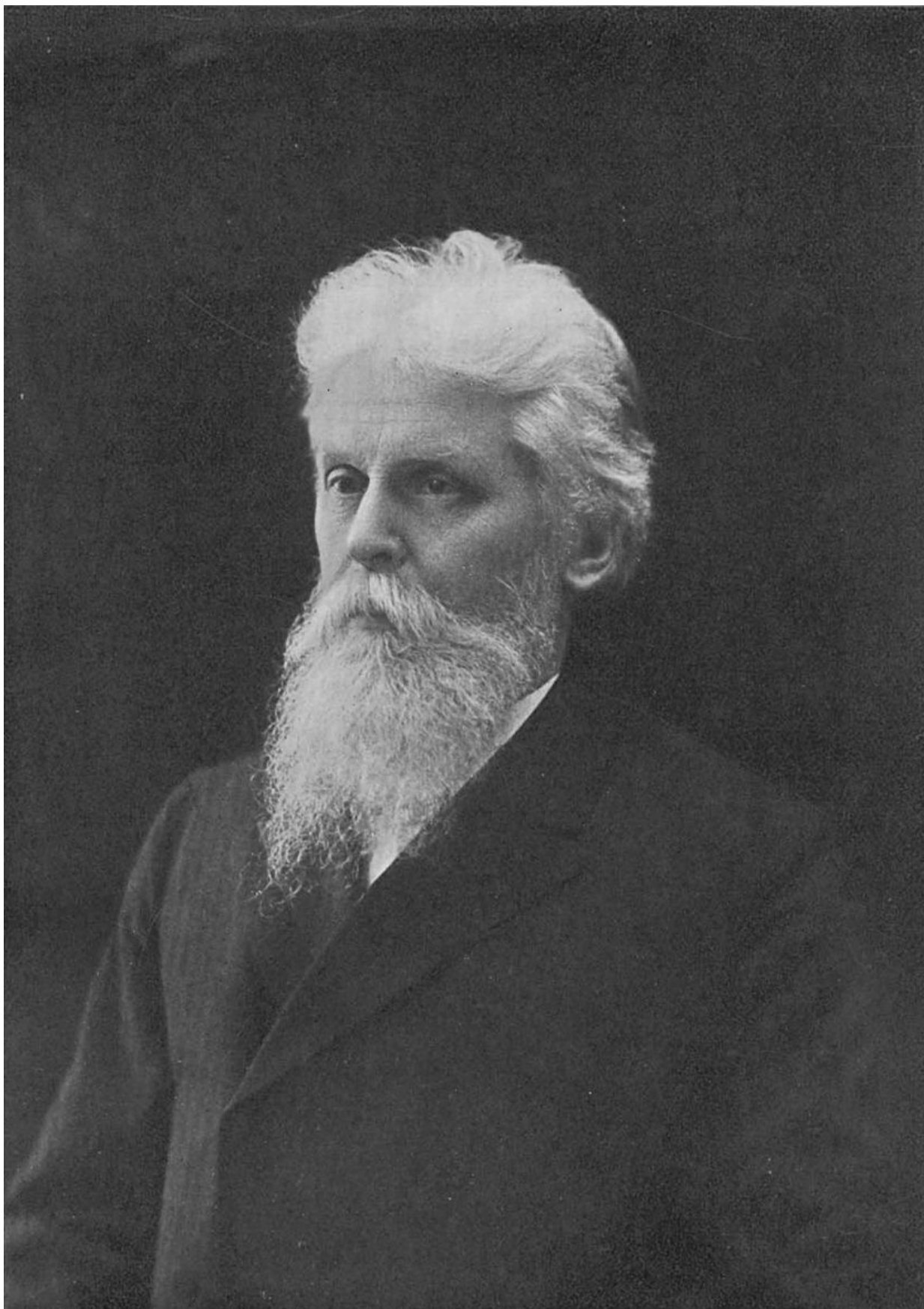
время онъ очень заинтересованъ изслѣдованіемъ промысловъ и промысловыхъ водъ. Это и составляетъ задачу нашей экспедиціи. Мы уже въ прошломъ году работали на Мурмане; но на деятельность прошлаго лета я смотрю исключительно какъ на разведку: мы не могли предпринять сколько-нибудь значительныхъ работъ, такъ какъ въ нашемъ распоряженіи было только парусное судно. Въ настоящее время уже выстроень за границей пароходъ, спеціально приспособленный для работъ экспедиціи, и съ весны этого года начнутся настоящія интенсивныя изслѣдованія.

— Долженъ васъ предупредить, — продолжалъ Николай Михайловичъ, — что работы будетъ много, и условія, при которыхъ придется работать, могутъ быть довольно тяжелыми... Кстати, вы бывали въ море?

— Нетъ, никогда!

— Ну, смотрите, если вы не выносите моря, то работа можетъ оказаться для васъ невозможной. Такъ вотъ, если васъ не пугаетъ все то, на что я указывалъ, начинайте готовиться.

Последнія слова Николая Михайловича заставили меня усмехнуться; разве можетъ кого-либо испугать и удержать предстоящая работа и, хотя-бы даже, морская болезнь, когда впереди предстояло путешествіе по Ледовитому океану, изслѣдованіе океаническихъ глубинъ, быть можетъ, встреча съ китами и съ полярными льдами...

Николай Михайлович Книповичъ.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ Николай Михайловичъ познакомилъ меня съ условіями работы, далъ несколько добрыхъ советовъ относительно снаряженія и предложилъ приходить къ нему въ кабинетъ съ тѣмъ, чтобы познакомиться хоть немного съ мурманскими промысловыми рыбами и другими животными, съ которыми придется встречаться во время работъ.

Полный восторга и мечтаній о будущемъ путешествіи вышелъ я изъ музея. Вьюга продолжалась, но то, что утромъ такъ угнетало, теперь не производило почти никакого впечатленія. Предстоящее рисовалось мнѣ такимъ интереснымъ и захватывающимъ, что все переживаемыя невзгоды казались слишкомъ ничтожными, чтобы придавать имъ какое-либо значеніе.

Моя работа въ лабораторіи тоже рисовалась мнѣ теперь въ иномъ свете: еще утромъ, какъ о счастья, мечталъ я о томъ, какъ-бы получить препаратъ, подтверждающій мои наблюденія... Теперь препаратъ полученъ, и, конечно мнѣ это пріятно, но предстоящая поездка казалась мнѣ гораздо более важной и интересной, чѣмъ вся моя работа въ лабораторіи.